

С того момента, как Ма-фудао признался в намерении помогать Цзин Юаньци, его участь была предрешена.

Ши Цин больше не задавал вопросов. С того дня помощник режиссера бесследно исчез со съемочной площадки, а на расспросы коллег главный режиссер лишь коротко отвечал, что у того возникли срочные семейные обстоятельства.

Тогда же отношение режиссера к Цзин Юаньци разительно переменялось. Теперь он едва ли не пылинки с него сдувал, готовый перевозносить юношу до небес. Вполне объяснимо: ссориться с человеком, способным одним словом разрушить карьеру любого постановщика, было себе дороже.

Сам же Цзин Юаньци остался прежним. На людях он всё так же лучился солнечным светом и весело улыбался, напоминая всем открытого и добродушного парня. Однако в тени, скрытый от посторонних глаз, он с упоением продолжал испытывать терпение Киноимператора своими вольностями.

По какой-то необъяснимой причине Ши Цин — внешне всё такой же холодный и неприступный — на словах оставался суров, но телом молчаливо потакал дерзким выходкам младшего коллеги. Юноша же решил для себя, что его «учитель» просто из тех людей, чьё сердце не желает признавать очевидного влечения.

Парень всё глубже погружался в эту игру. Видеть, как этот обычно бесстрастный, лишённый всяких красок мужчина безвольно позволяет творить с собой что угодно, доставляло ему небывалое, почти физическое наслаждение.

Обычно после изнурительных утренних съемок Ши Цин предпочитал скрываться в своей личной гримерке, чтобы в одиночестве и тишине неспешно пообедать. Вся съемочная группа, включая Гао Чжи, знала об этой привычке и старалась его не тревожить.

Вот и сейчас Киноимператор спокойно ел, как вдруг за его спиной раздался шум. Он обернулся и увидел, что запертая дверь распахнулась.

Цзин Юаньци с самым невозмутимым видом убрал в карман проволоку для взлома, а в другой руке, как ни в чем не бывало, принес контейнер с едой.

— Учитель Ши, не возражаете против компании?

Стоит признать, в искусстве наглости юноша превзошел даже самого Ши Цина. Несмотря на то, что тот ледяным тоном заявил о своей любви к одиночеству, парень и бровью не повел.

— Тогда просто не считайте меня за человека, — не моргнув глазом, парировал он.

Доставая обед из пакета, юноша игриво подмигнул:

— Мне кажется, если бы я был комнатным растением в горшке, я бы выглядел очень недурно.

— Давайте же, учитель, сядем поближе. Я, как ваш персональный цветок, буду очищать воздух в этом помещении.

С этими словами Цзин Юаньци, преисполненный чувства собственного достоинства, придвинулся почти вплотную. Его длинные изящные пальцы скользнули по столу и мягко легли на бедро Ши Цина.

Ши Цин замер.

«Провокации этого парня начали выходить за рамки даже моего воображения»

[Хозяин, вы сможете! Вы справитесь! Держитесь! Не разрушайте образ!!!]

Как бы Ши Цину ни хотелось проучить этого «распутного моллюска», он был вынужден с глубоким сожалением сохранить ледяную маску. Мрачно поднявшись, мужчина пересел на противоположную сторону стола.

Юноша, глядя на бесстрастного Киноимператора, который молча продолжал трапезу напротив, вовсе не выглядел разочарованным. Все последние дни он только и делал, что дразнил Ши Цина в самых разных местах и самыми разными способами. Казалось бы, он действовал безрассудно, но на деле планомерно прощупывал границы дозволенного.

Проведя в таких «разведках» немало времени, Цзин Юаньци всё же пришел к выводу, что Ши Цин остается для него загадкой. Тот был угрюм, резок в общении и не терпел физического контакта... но при этом молча сносил все его заигрывания.

С одной стороны, мужчина подчеркнуто дистанцировался от окружающих, ничуть не заботясь о своей репутации мизантропа. С другой — тайно помогал новичкам, причем делал это анонимно.

Цзин Юаньци не понимал таких поступков. Если бы он совершил нечто благородное, то позаботился бы о том, чтобы об этом трубили на каждом углу. К слову, он бы не отказался присвоить себе чужие заслуги, даже если бы пальцем о палец не ударил.

А Ши Цин...

Самым противоречивым было его отношение к самому Цзин Юаньци. Казалось бы — ледяной холод, но прикосновения не отвергаются. Когда вокруг были люди, Киноимператор, словно боясь разоблачения, покорно замирал под его руками. Но стоило им остаться наедине, он начинал избегать юношу, как огня, готовый сбежать при малейшем намеке на близость.

Впрочем, парень не спешил форсировать события, опасаясь, что его драгоценный «моллюск» окончательно захлопнет створки и скроется в глубине. Он решил сменить тактику и перешел к непринужденной беседе.

— Учитель Ши, я вам сегодня ночью не снился?

Собеседник, опустив ресницы, продолжал методично отправлять еду в рот, не проронив ни звука. Его молчание ничуть не смутило юношу.

— А вот вы мне снились, — продолжал он как ни в чем не бывало. — Хотите знать, что именно?

Искуситель прищурился, и в его глазах-полумесяцах заплясали искры. Он намеренно понизил голос до вкрадчивого, бархатистого шепота:

— Посмотрите на меня — и я расскажу.

Видя, что Ши Цин не реагирует, он сделал вид, что собирается встать:

— Что ж, раз учителю неинтересно, пойду расскажу кому-нибудь другому.

Только тогда Киноимператор соизволил обратить на него внимание. Он поднял взгляд — его светлые глаза были полны холодного спокойствия, в котором, однако, теплилось едва заметное раздражение.

— Не перегибай палку.

— Если только это заставляет вас со мной заговорить, я готов перегнуть её еще в сотни раз сильнее.

Цзин Юаньци, несколько не смутившись, победно вскинул брови и широко улыбнулся. Это была та самая его фирменная «солнечная» улыбка, способная убедить любого в чистоте его помыслов.

Юноша с удовлетворением отметил, как гнев в глазах Ши Цина медленно гаснет. В глубине души он ликовал. Собеседник и сам не замечал, что каждый раз, когда он готов был всерьез разозлиться, стоило Цзин Юаньци улыбнуться — и ярость невольно отступала.

Парень всегда мастерски пользовался своими преимуществами. Смягчив голос и сохраняя на губах легкую полуулыбку, он медленно накрыл ладонь Ши Цина своей.

— Учитель, вы мне и правда сегодня снились, поэтому я примчался к вам в первую же свободную минуту. Не будьте так холодны, мне ведь тоже бывает больно.

Под этим вкрадчивым натиском ледяная броня Киноимператора начала давать трещину. Даже его вечно суровые черты лица, казалось, немного смягчились. Он не ответил, но и не оттолкнул руку юноши, продолжая молча есть, удерживая палочки в правой руке.

Почувствовав слабину, Цзин Юаньци зашел еще дальше. Посмотрев на куриную ножку в тарелке учителя, он с самым несчастным видом пробормотал:

— Я тоже хочу попробовать.

Ши Цин на мгновение замер. Немного поколебавшись, он пододвинул контейнер ближе к юноше и сухо произнес:

— Ешь.

Но искуситель не унимался:

— Учитель Ши, покормите меня.

Заметив мимолетное замешательство Ши Цина, парень перехватил его ладонь и принялся указательным пальцем медленно, едва ощутимо вычерчивать круги на его ладони.

Глядя на то, как бледное ухо мужчины медленно заливается краской, юноша, торжествуя, усилил натиск. Его голос стал тягучим, полным притворного смирения:

— Ну пожалуйста, покормите меня... Я ведь знаю, что вы самый добрый на свете.

В конечном счете Ши Цин не устоял перед этим искусным соблазном. На его щеках проступил едва заметный румянец, под стать которому он, не проронив ни слова, поднес кусочек курицы к губам Цзин Юаньци.

Тот прищурился. Его глаза, и без того напоминавшие лисьи, в этот момент сделали его похожим на настоящего духа-искусителя. И этот дух оказался весьма привередлив: он не спешил принимать угощение. Вместо этого он сначала подался вперед и, глядя на Ши Цина влажным, полным неги взглядом, медленно провел кончиком алого языка по верхней губе.

Ши Цин...

«Да кто бы вообще смог перед этим устоять? Я вот точно не могу»

Система молча созерцала возникшую перед ней «цензурную сетку». Стоило её носителю проявить признаки сильного волнения, как алгоритмы мгновенно скрыли происходящее за «пикселями».

«Ничего страшного, хозяин. Он ведь не знает, что вы не устояли», — попыталась она утешить его.

В этот момент под столом длинная нога Цзин Юаньци начала свое прицельное движение. Найдя опору на противоположной стороне, он мягко надавил ступней.

Спустя секунду в глазах юноши вспыхнуло нескрываемое торжество.

Теперь он тоже об этом знал.

Разоблаченный в собственной слабости, Киноимператор вспылел. Он резко отодвинулся:

— Ты будешь есть или нет?

— Буду. Конечно, буду.

Цзин Юаньци продолжал тянуть слова, со значением поглядывая на то самое место, которое только что выдало Ши Цина с головой:

— Я съем всё, что бы вы мне ни дали, учитель.

«Мать твою... Как он умудряется быть еще более бесстыдным, чем я?!»

«Возможно... это врожденный талант?» — робко предположила Система.

Видя, как лицо Ши Цина то бледнеет, то краснеет от его слов, Цзин Юаньци наконец остался доволен собой. Он открыл рот и одним махом проглотил предложенный кусок.

Сделав пару жевательных движений, юноша внезапно изменился в лице. Его бледная кожа мгновенно покрылась пунцовыми пятнами, а глаза покраснели и наполнились слезами.

— Кх-х!.. Демонический перец?!

Он в панике начал хватать со стола бутылки с минеральной водой, вливая их в себя одну за другой.

Ши Цин тут же бросился на «помощь». Надавив ладонью на упругую ягодицу юноши, он выхватил бутылку из его рук.

— Вода здесь не поможет, станет только хуже.

— погоди, я сейчас принесу молоко!

Цзин Юаньци, чей мозг от жгучей боли превратился в чистое полотно, его не слышал. Он лишь отчаянно пытался вернуть себе воду. В ходе короткой борьбы содержимое бутылки вылилось прямо на одежду Ши Цина.

Прижатый к столу парень почувствовал, как первая волна боли отступает. Он поднял взгляд на нависшего над ним Киноимператора, в глазах которого читалось искреннее беспокойство. Заметив капли воды на изящных ключицах учителя, юноша снова почувствовал прилив игривости.

Он жалобно шмыгнул носом, и его глаза покраснели еще сильнее:

— Очень жжет... Мне нужна вода.

И, не раздумывая, он подался вперед. Если выразаться изящно, юноша попытался языком собрать влагу прямо с кожи Ши Цина — так младенец инстинктивно ищет утешения у того, кто может облегчить его страдания.

— Тук-тук.

На стук в дверь никто не обратил внимания. Спустя секунду в комнату вошел Цуй Юньцин, ставший после своего спасения преданным фанатом Киноимператора.

— Учитель Ши, там, кажется, пришли фанаты, чтобы...

Он замер на пороге, не в силах вымолвить ни слова.

Перед его глазами предстала картина, лишившая его дара речи: его кумир и наставник, благородный Ши Цин, в весьма недвусмысленной позе прижимал к столу Цзин Юаньци. А тот — вечно жизнерадостный и сильный — лежал под ним с красными глазами, словно после долгих рыданий, выглядя совершенно беспомощным и несчастным.

— У-учитель Ши... Брат Цзин... Вы... вы...

Цзин Юаньци среагировал первым. Увидев Цуй Юньцина, он лишь обрадовался — пусть этот простофиля наконец поймет, что к его Ши Цину лучше не подходить.

Юноша дерзко вскинул бровь и, ничуть не смутившись, по-хозяйски приобнял Киноимператора за талию, прижимая его к себе еще плотнее. С видом триумфатора, заявляющего права на свою территорию, он произнес:

— Именно так. Всё так, как ты видишь.

Цуй Юньцин застыл.

То ли от шока, то ли от недостатка жизненного опыта, восемнадцатилетний парень долго переминался с ноги на ногу, прежде чем выдавить из себя:

— Тогда... желаю вам счастья. Я, пожалуй, пойду.

Уже в дверях Цуй Юньцин, густо покраснев, добавил на прощание:

— Учитель Ши, только не забудьте про средства защиты!

— Бам!

Дверь в панике захлопнулась.

Цзин Юаньци опешил.

«С какого перепуга Ши Цин должен их надевать?!»

«Неужели по мне не видно, кто здесь главный?!»

<http://bllate.org/book/15834/1436106>